

— Мы прокляты, — произнес Чэнь Шу. — Никто из нас не спасется.

Бай Циюй почувствовал, словно его снова втиснули в водяную темницу. Ледяная, зловонная морская вода поднималась от самых ступней, постепенно заполняя пространство, захлестывая шею, рот, нос, голову...

Буль-буль... буль...

В бесконечной тьме внезапно забрезжил тусклый свет красных свечей. В затуманенном сознании этот свет сплелся в знакомый человеческий силуэт. Человек держал в руках черную свечу в форме коленопреклоненной фигурки, сплошь закованную в цепи, и покачивал ею в странном ритме. Левой рукой он мерно постукивал в бубен Вэнь-вана, извлекая священные, очищающие звуки, и напевал странным, надрывным голосом:

— Свет ясен, взор чист, лампа горит, над головой три дня, а Хуанхэ длинна... Скачу верхом до подножия горы Тайшань, вопрошаю предков: вернулся ли малец из рода Бай? А предки отвечают:

— Вернулся!

— А-а! — Бай Циюй, не в силах сдержаться, схватился за горло, издавая хриплый, судорожный вздох. Его глаза закатились, а кости по всему телу затрещали.

— Хлоп!

Раздался удар кнута У-вана. Семицветный хвост плети, подобно причудливому калейдоскопу всего сущего, вырвал Бай Циюя из водяной темницы обратно в реальный мир.

— Я... я... кхе-кхе!

Бай Циюй зашелся в раздирающем грудь кашле, пока сводящее с ума чувство удушья не отступило. Темнота, напоминавшая помехи на старом телевизоре, рассеялась, и сознание вернулось в норму.

Увидев, что Бай Циюй пришел в себя, Цинь Гуаньхэ быстро задул черную свечу и отставил ее подальше от алтаря.

— Спасибо... — Бай Циюй слабо прижал ладонь к горлу. — Я чуть не... Кстати, Чэнь Шу!

Он поспешно посмотрел на экран, но видеозвонок уже был завершен.

— Я отключился сразу после того, как он сказал, что мы все прокляты. Ты с ним говорил?

Цинь Гуаньхэ покачал головой:

— Он увидел, что тебе плохо, и велел нам вызвать скорую, сказав, что свяжется с тобой, когда придешь в себя.

Бай Циюй опустил взгляд:

— Прости, я все испортил. Позвоню ему сейчас? Мне кажется, он не договорил...

— Не спеши, — небрежно бросил Цинь Гуаньхэ. — Кстати, почему он назвал тебя Бай Ци? Ты ведь сменил имя еще до начальной школы?

— Мы с Чэнь Шу были одноклассниками в детском саду. Я в младшей, он в старшей. Садик был небольшой, мы вместе ели и играли. Именно из-за Чэнь Шу я и сблизился с Ян Юйсэнем.

— Разве твой родной дом не в Цюаньчэне? Они ведь из Циндао, верно?

— А... — Бай Циюй замялся. — Мы жили в Циндао, но после того, как я сменил имя, вся семья переехала в Цюаньчэн. Как я уже говорил, бабушка Ло запрещала мне приближаться к воде, поэтому мы и переехали в центр Цилу.

Цинь Гуаньхэ задумчиво кивнул:

— Значит, если Ян Юйсэнь и Чэнь Шу умрут, ты, по сути, будешь рад?

Рад?

Бай Циюй в изумлении распахнул глаза. Он не мог поверить, что подобные абсурдные слова слетели с уст Цинь Гуаньхэ. Он несколько раз открывал рот, но не мог издать ни звука.

— Нет, ты о чем вообще? — Его голос дрогнул от возмущения. — Они же живые люди! Ты спрашиваешь, рад ли я их смерти, ты в своем уме? Даже если... если в путешествии и случилась беда, какое это имеет отношение ко мне!

Его широко раскрытые глаза и выражение лица человека, оскорбленного доверенным лицом, не выглядели притворством. Однако в словах Бай Циюя все еще сквозило нечто неуловимое, что заставляло Цинь Гуаньхэ сомневаться. Он пристально посмотрел на него, но, не найдя ответа, произнес:

— Прости. Просто к нам иногда приходят люди с психическими расстройствами, которые после убийства начинают верить, что одержимы демонами, пытаются свалить все на нечистую силу. Я

просто решил перепроверить.

Лучше бы он не извинялся: от этих слов гнев Бай Циюя вспыхнул с новой силой.

— Ты сравниваешь меня с безумным убийцей?! — Его губы дрожали от злости. — Когда я впервые пришел к тебе, ты сразу посоветовал мне сходить к психологу. Неужели я сам не чувствую, есть у меня психическое заболевание или нет? Неужели бабушка Ло не видит, одержим я или нет? Да я, мать твою...

Бай Циюй тяжело дышал, пытаясь успокоиться. На мгновение ему захотелось встать и уйти, но здравый смысл подсказал, что сейчас не время для этого. Он крепко сжал пылающую от боли шею, закрыл глаза, затем открыл их:

— Господин Дима, вы задали мне столько вопросов, позвольте и мне задать один.

— Прошу.

— Почему вы всегда мне не верите?

Бай Циюй впервые так внимательно разглядывал лицо Цинь Гуаньхэ. Даже с толстой повязкой на лбу, которую пришлось наложить после поклонов бабушке Ло, он сохранял отстраненный, утонченный вид. В его внешности было нечто примечательное, но Бай Циюй просто не мог проникнуться к нему симпатией. С самой первой встречи. Тогда тот невозмутимо предложил ему обратиться в психиатрическую клинику, словно выносил вердикт бракованному товару на конвейере, совершенно не заботясь о чувствах собеседника. Бай Циюй решил, что это даже не низкий эмоциональный интеллект — Цинь Гуаньхэ попросту не считал его за человека.

— Прошу прощения, — уголки губ Цинь Гуаньхэ дернулись, изображая некое подобие извиняющейся улыбки. — Не принимай на свой счет, я лишь рационально рассматривал другие вероятности.

Рационально, как же. Бай Циюй подавил ярость и перевел взгляд на бабушку Ло:

— Значит, вы тоже подозреваете, что я сошел с ума?

Бабушка Ло слегка подняла руку, призывая Цинь Гуаньхэ извиниться, и тот, не раздумывая, отвесил глубокий поклон.

— Ладно, малец из рода Бай, мой ученик во всем хорош, кроме этой неискоренимой подозрительности, но он ведь о тебе заботится, — медленно проговорила она. — Если он тебе не по душе, я велю ему выйти.

Бай Циюй помолчал, затем покачал головой:

— Забудьте, это выставит меня невоспитанным. Господин Дима, я называю вас так из уважения, надеюсь, вы больше не будете задавать мне подобных нелепых вопросов.

Цинь Гуаньхэ промолчал и сменил тему:

— Есть ли у тебя догадки, почему Чэнь Шу стал таким?

— Ты имеешь в виду...

— Что именно он встретил в подземных коммуникациях Циндао?

Цинь Гуаньхэ пролистал фотографии на экране до второго снимка и жестом предложил продолжать воспоминания. В отличие от первого фото, сделанного на пустыре, второе было снято в другом месте. Если судить по росту людей, массивные ворота за их спинами достигали как минимум четырех метров в высоту. Опутанные густым сплетением лиан, они отливали глубоким темно-зеленым цветом и холодным металлическим блеском, отчего веяло необъяснимой печалью, присущей свидетелям истории. Должно быть, это и было то самое случайное открытие — бомбоубежище.

Но воспоминания Бай Циюя еще не дошли до этого момента.

— На чем я остановился? А, точно, на драке Ян Юйсэня и Вэй-гэ. Кстати, я ведь не рассказывал подробно о составе нашего отряда?

Цинь Гуаньхэ кивнул:

— Нет.

— Тогда расскажу вкратце. Капитан Гуань Бао — отставной военный, настоящий кремень. Это он придумал название «Взгляд в мир». Мы тогда еще смеялись: ну надо же, такой грубиян, а придумал такое поэтичное название. С ним были двое близких друзей: Вэй-гэ и один британец по фамилии Винсент.

Бай Циюй указал пальцем на высокого парня в заднем ряду. У Винсента была типичная европейская внешность, разве что черные волосы и глаза, да и на фото он был таким мелким, что иностранца в толпе можно было и не заметить.

— Этот иностранец — интересный тип. Богач. Говорят, разбогател на акциях, а потом стал путешествовать по миру, нигде подолгу не задерживаясь. Несколько лет назад он почему-то помешался на Китае, купил виллу с видом на море на Серебряном пляже в Хуандао и прожил там три года. Он умел втираться в доверие к девушкам, болтал красиво. Но и мы, парни, его любили, потому что он был просто ходячим кошельком. Гуань Бао говорил, что он фанат мистики, вечно изучал всякую дичь, и если речь заходила о чем-то потустороннем, он всегда был тут как тут. Поэтому все наше дорожное оборудование — палатки, камеры,

промышленные прожекторы — было куплено на его «спонсорские» деньги. Когда у тебя есть деньги, твое слово весит больше. Когда Ян Юйсэнь предложил исследовать подземные коммуникации, Винсент первым поддержал идею, каждый день агитировал людей в чате, обещая оплатить расходы на дорогу, так что поездка была предрешена.

Бай Циюй помолчал:

— Что касается Ян Юйсэня... Мы с Чэнь Шу были с ним очень близки. Я уже говорил, что мы с Чэнь Шу из одного детского сада, и когда я увидел его имя в чате, спросил — оказалось, это действительно он. Наши судьбы переплелись странным образом. Ян Юйсэнь был его лучшим другом со школы, на вид такой дерзкий, но на деле оказался отличным парнем. Мы втроем посидели пару раз, выпили, и стали как братья. Врач отряда и «цветок» команды — тоже люди Ян Юйсэня. Хотя они и не признавались, но мы догадывались, что они пара: врач и медсестра. Линь Тяньюй приходился Ян Юйсэню каким-то дальним родственником, они называли друг друга двоюродными братьями. А вот этот парень в очках — Хо Чуаньшань, профессор истории из Университета Цилу, мы звали его Хо-гэ. Он был нашим «культурным» консультантом. Городские исследования — это ведь поиск старых мест и истории, он объяснял нам то, что мы не могли понять сами. Правда, он был вечно занят и отвечал на вопросы только в чате, так что в Циндао я впервые увидел его вживую.

— Хо Чуаньшань? — Бабушка Ло кивнула. — Я слышала о нем. Но не думала, что он такой молодой, выглядит лет на тридцать с небольшим?

Бай Циюй удивился:

— Вы, человек Пути, тоже интересуетесь академическими кругами?

Бабушка Ло мягко улыбнулась:

— Тайные искусства каждой земли и ее история часто неразрывно связаны... Разные цивилизации имеют свои способы «работы», ограниченные местной культурой. Например, речные и морские цивилизации различаются из-за географических факторов — источников воды, климата, что влияет на социальный уклад и ценности. Все это воздействует на «ци» земли, поэтому гуманитарные науки и тайные учения часто переплетаются. Если ты приедешь в Антарктиду и начнешь рассказывать про духов или призыв божеств, это не сработает. Христианские пасторы тоже с трудом действуют на китайской земле. Проще говоря, это вопрос «отклика»...

Бай Циюй внезапно подал голос:

— Похоже на системные барьеры? Android и iOS? PS4 и Nintendo Switch?

Бабушка Ло рассмеялась:

— Если тебе так понятнее, то пусть будет так.

Бай Циюй вспомнил:

— В 2013 году профессор Хо опубликовал статью о первобытных жертвоприношениях и поклонении земле в эпоху охоты и собирательства. Мне стало интересно, я специально искал и читал ее. Там упоминалась ранняя шаманская культура Восточной Азии, которая зародилась в бассейне наших двух рек, в районе устья, впадающего в море.

Цинь Гуаньхэ это тоже заинтересовало:

— Вкратце?

— Ресурсы в бассейне двух рек были богаты, вода и земля — плодородны. Первобытные люди прошли путь от «множества естественных врагов» до «изобилия пищи», от страха перед землей к благоговению перед ней. Они считали «земледелие» даром небес, поэтому приносили жертвы земле и верили в духов. В 2012 году нашли артефакт возрастом пять-шесть тысяч лет — черный кристалл в форме гигантского ореха. Забыл, как называется, говорили, что это чудо, созданное древними людьми с помощью крови животных, человеческой крови и различных трав для жертвоприношений.

Бай Циюй задал вопрос:

— Как вы думаете, что почувствуют люди внутренних районов, если встретят морских существ?

Цинь Гуаньхэ нашел вопрос странным:

— Подумают, можно ли их съесть?

— Я про китов, гигантских кальмаров и других крупных морских обитателей.

Цинь Гуаньхэ понял его мысль:

— Они почувствуют страх... Нет, нечто большее. Скорее, неспособность понять. Решат, что это монстры, дьяволы, предвестники конца света. Какое самое крупное наземное существо могли встретить люди в бассейне двух рек? Слон? Косатка — одна из самых мелких среди китов, но даже она намного больше слона. Подобные существа, выходящие за рамки познания, часто становились прообразами демонов в легендах. Так и рождается первобытный страх.

Бай Циюй кивнул, вспомнив свою теорию о «древних людях и компьютерном железе»:

— Недостаток познаний и несоответствие знаний порождают «страх». Значит, наземные духи, которым поклонялись, и морские «дьяволы», которых боялись — по сути, одно и то же!

Цинь Гуаньхэ согласился:

— В ту эпоху наземные существа получали веру и почитание, а морские — только страх.

— Но этот страх не был константой, — возразил Бай Циюй. — В современную эпоху мы знаем, что эти «непонятные монстры» — всего лишь виды живой природы, и страх исчезает сам собой.

Цинь Гуаньхэ промолчал:

— Ты так уверен, что «страх», описанный древними, можно полностью искоренить? Цивилизация Месопотамии просуществовала две тысячи лет, а наш Китай претерпел изменения лишь за последние несколько десятилетий. Для тех «настоящих гигантов» несколько десятилетий недостаточно даже для того, чтобы проснуться от сна. Если судить по вероятности временных пропорций... познания нашего поколения могут уступать познаниям древних.

Бай Циюй покачал головой с усмешкой:

— Господину Диме стоит почитать мифы Ктулху.

— Что это?

— В целом, это система мифов, проповедующая, что «человек ни за что не победит небеса».

— Звучит любопытно.

Бабушка Ло, нахмурившись, прервала их:

— Довольно, сейчас не время для этого.

Бай Циюй улыбнулся и перевел палец с Хо Чуаньшаня на девушку с самого края фотографии. Высокая, худощавая, с необычной внешностью, как у модели. Ее глаза напоминали глубокий водоем — очень чувственное лицо.

— Это Цинь Сяоцзю. Она, Ай Чуньшэн, старик Лю, Чжичжи и трое парней в куртках-штормовках — из другой группы. Семерка из отряда «Дыхание Земли». У них что-то случилось с прежним капитаном, они поссорились и ушли. Мы всегда были в хороших отношениях, а после того случая они влились в наш отряд. — Бай Циюй покачал головой. — Не смотрите, что это просто клуб по интересам. Где люди, там и интриги, все очень запутанно.

Цинь Гуаньхэ внимательно посмотрел на лицо девушки:

— С ней что-то случилось?

Бай Циюй невольно нахмурился:

— Нет? Послушай, можно не указывать на каждого встречного и не говорить, что с ним что-то случилось...

Цинь Гуаньхэ ответил лишь коротким «угу» и больше ничего не спросил.

Бай Циюй продолжил:

— Когда мы возвращались...

— Еще двое, — прервала его бабушка Ло, которая до этого молчала. — Кто эти двое?

Бай Циюй проследил за ее пальцем и остановился на мужчине и женщине по краям фото. Мужчина среднего телосложения, в очках с толстой оправой, лицо не разобрать — самый обычный человек, затерявшийся бы в любой толпе. Женщина тоже в очках. Из-за качества фото возраст не определить — от двадцати до сорока. Единственное, что бросалось в глаза: в отличие от остальных в спортивной форме, они были одеты слишком тяжело. Свитера с высоким горлом, поверх — ватники, даже меховые шапки и шарфы, закрывающие лица — будто они ужасно мерзли. Такую странную одежду не по сезону Бай Циюй видел только на тяжелобольных. В подземных коммуникациях было холодно и сыро, но при быстром движении легкая ветровка была куда удобнее. А на втором фото они были одними из немногих, кто «улыбался». Эта улыбка выглядела крайне неприятно, словно неудачная поделка, вырезанная неумелым мастером.

Бай Циюй усмехнулся:

— Спасибо, что напомнили, чуть не забыл. Как их звали... Точно, женщина по фамилии Бай, я запомнил, потому что у нас одна фамилия, все звали ее сестрица Бай. Мужчина — ее супруг, имени не помню. В отряде они были почти незаметны, я вечно забывал об их существовании. Они как муж и жена всегда плелись в хвосте, ни с кем не общались. Вэй-гэ еще насмеялся: «Вы и дома такие же молчаливые?»

— Свяжись с ними.

— А? — Сердце Бай Циюя екнуло. Он не решился переспрашивать и поспешно вбил в поиске «Сестрица Бай». Но никого не нашел. — Странно, я что, не добавлял их в друзья? — пробормотал он, открыл чат отряда, ввел «Сестрица Бай» — снова ничего.

Видя, что многие в чате не меняли ники, Бай Циюй раздраженно взлохматил волосы:

— Хорошо бы, если бы телефон был при мне. Перед выходом мы обменялись номерами, чтобы никто не потерялся.

— Нужно ли продолжать поиски? — с тревогой спросил Бай Циюй. — Бабушка, зачем их искать? Найти их будет непросто. Да и я с этой парой не был знаком, в Циндао увидел впервые. Подумать только, кажется, в отряде никто с ними не был близок... Не понимаю, как они вообще к нам прибились.

Цинь Гуаньхэ уловил суть:

— У вас был строгий отбор в отряд?

— Конечно, — не задумываясь ответил Бай Циюй. — Городские исследования — это не то же самое, что поход в горы. Разве можно чувствовать себя спокойно, гуляя с незнакомцами? Посреди ночи в глуши, разве уснешь?

— Всегда было так строго?

— Не совсем. Когда я подавал заявку, было довольно свободно. — Бай Циюй задумался. — Раз уж вы спросили... Кажется, отряд перестал принимать незнакомцев пару лет назад.

Цинь Гуаньхэ спросил:

— Из-за чего-то, что произошло?

Бай Циюй выглядел растерянным:

— А? Что могло произойти? Это же просто группа по интересам.

— Авария, ссора или что-то в этом роде, — мягко подталкивал Цинь Гуаньхэ. — Постарайся вспомнить, кто-нибудь на что-то жаловался?

Бай Циюй опустил взгляд, погружаясь в далекие воспоминания. Ресницы скрывали его выражение лица, щеки были бледны, лишены всякой кровинки — если бы не слабое движение грудной клетки, он казался бы статуей.

Перед алтарем клубился дым, и в мерцании «поминальной лампы» Бай Циюй вдруг дернуло. В который раз за день? Это было жуткое зрелище: судорога была резкой, тело выгнулось под неестественным углом, словно у него не было костей. Вместе с этим движением на его шее на мгновение блеснули чешуйки, переливающиеся, словно драгоценные камни.

Когда он взял себя в руки, в воздухе внезапно разлился тонкий аромат. Цинь Гуаньхэ невольно подался вперед и тихо спросил бабушку Ло:

— Вы чувствуете? Это тот самый запах, о котором я говорил.

Сладкий, приторный аромат становился все гуще, а в его шлейфе все отчетливее проступал запах гнили. Цинь Гуаньхэ пришло на ум абсурдное сравнение: прекрасный цветок, расцветающий на трупе.

Прежде чем бабушка Ло успела вмешаться, Бай Циюй внезапно пришел в себя. Его густые ресницы поднялись, черные глаза, влажные и печальные, смотрели из-под прядей волос, словно демон, выбравшийся из глубин бездны.

— Я вспомнил... — сказал он. — Вы спрашиваете о том, почему семерка Цинь Сяоцзю ушла из того отряда и присоединилась к нам. Они утверждали, что из-за «разногласий», но Пэй

Шисюнь насмеялась, что дело было в «несправедливом дележе добычи», они даже поссорились. Это было, когда я учился на третьем курсе, в 2018-м... Наш отряд «Взгляд в мир» и «Дыхание Земли» вместе отправились в горы. Правда... в той поездке я не участвовал. О том, что случилось, узнал позже, по крохам из сплетен.

Цинь Гуаньхэ удивился:

— Почему не поехал? Ты был на третьем курсе, времени должно было быть полно.

Бай Циюй объяснил:

— Я вырос в Цюаньчэне, гора Тайшань была слишком близко. Я с детства облазил все тропы — и главные, и потайные, и странные дикие пути... Горы меня больше не привлекали, вот и не поехал.

— Понятно.

Бай Циюй продолжал:

— Как называлась та дикая гора? Э-э, Баотоу?

Цинь Гуаньхэ прищурился:

— Гора «Бао» как в баоцзы?

— Нет, «Бао» как в «сытый». Странное название, правда? Поэтому и запомнилось.

— Где она находится?

— У подножия хребта Тайшань. Но это только название, до самого туристического места оттуда как до луны. Но, по словам Цинь Сяоцзю и остальных, эта гора была довольно известна в округе... Говорят, после образования страны там открыли угольную шахту, и всю гору выкупила компания «Таймэй». Из-за высоких зарплат молодежь из окрестных деревень ушла работать в шахту, а поля забросили.

Бабушка Ло кивнула:

— Слышала о ней. Знаменитая «передовая деревня» после образования страны. Но разве пару лет назад в новостях не говорили, что шахты истощились?

— Не просто истощились, вся земля вокруг была вырыта до пустоты. — Бай Циюй с грустью покачал головой. — Дороги были изрыты провалами, проехать было нельзя, не говоря уже о посевах... Это было похоже на зону отчуждения после апокалипсиса, жуткое зрелище. Представьте: безлюдная дорога, повсюду черные дыры, словно тело человека, замученного до гниения... Люди — ненасытные существа. Ладно бы просто вырубали леса, деревья можно

вырастить снова. Но когда земля вырыта до пустоты, что с ней делать?.. В общем, из-за обрушений единственная прямая дорога к горе Баотоу стала непроезжей, на гору можно было попасть только в объезд через деревню, на маленьких трехколесных мотороллерах. Им крупно повезло: они встретили геологоразведочный отряд из провинциального управления, и те подбросили их на своих внедорожниках. А потом они разошлись... Слышал, что провинция планировала использовать заброшенные земли для солнечных и ветряных электростанций, они думали, что геологи занимались именно этим.

Цинь Гуаньхэ задумчиво кивнул:

— Но городские исследования — это ведь поиск острых ощущений, почему они не исследовали заброшенные шахты, а полезли в горы?

Бай Циюй пояснил:

— Они говорили, что гора Баотоу имеет отношение к даосским мифам, это исток реки Найхэ, Око Желтого Источника... Целью их похода было найти это «Око». Странно, да? Я и сам думал, что это просто рекламный трюк, слухи. Кто же не знает, что река Найхэ берет начало с горы Тайшань? Храм Чэнхуан, мост Найхэ, все дела.

— Но рек с названием Найхэ в землях Ци и Лу наберется не меньше сотни, а то и десятка полтора только в городской черте у подножия горы Тайшань. Местная администрация даже таблички установила, объявив их объектами нематериального культурного наследия. Разве это не надежнее, чем искать черт знает где в диких горах?

— Короче говоря, Пэй Шисюнь сказала, что их группа так и не нашла исток Найхэ, зато наткнулась на мясной гриб.

Услышав это название, Цинь Гуаньхэ нахмурился:

— Мясной гриб... Тай-суй?

— Ты не ошибся, именно тот, из легенд... тот самый, что не иссякает, сколько ни бери, и дарует бессмертие тем, кто его отведаёт?

Бай Циюй усмехнулся:

— Сейчас, если подумать, что толку от этого Тай-суя, даже если бы он был настоящим? Ученые давно всё разложили по полочкам: никакой это не гриб, а просто сложный комплекс крупных слизевиков. О бессмертии и речи быть не может, хорошо еще, если не отравишься насмерть.

Цинь Гуаньхэ прервал его:

— И что же тогда произошло?

Бай Циюй быстро и мельком взглянул на него, а затем отвел глаза. Это была микромимика человека, который чувствует себя виноватым и пытается увильнуть от ответа. Но в его взгляде не было ни капли страха.

<http://bllate.org/book/18696/1807000>